

Alfredo J. A. Moncada CS.

ФЕДЕРОВ Г. А.
Г. А. ФЕДОРОВ

Г. А. ФЕДОРОВ

МОСКОВСКИЙ МИР ДОСТОЕВСКОГО

из истории русской художественной культуры

XX века

Московский мир Достоевского в истории русской художественной культуры. В книге собраны материалы о деятельности Г. А. Федорова в различных областях культуры и общественной жизни. Особое внимание уделено его роли в развитии музыкальной культуры в Москве и Московской области. Показано, как Г. А. Федоров способствовал созданию и развитию консерваторий в столице и за ее пределами. Рассмотрены также различные аспекты творческой деятельности Г. А. Федорова в области изобразительного искусства, театра, кинематографии, музыки, литературы, науки, политики, общественной жизни и других сфер.

Генеральный директор Государственного музея-заповедника «Музей Достоевского» Г. А. Федоров
— президент Российской Академии художественных наук
— президент Российской Академии художественных наук
— президент Российской Академии художественных наук

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16127

Федоров Г. А.

Ф 32   Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.

ISBN 5-94457-152-7

В книге собраны работы автора за 30 лет. Главная тема книги — отношения Достоевского с двумя великими городами — Москвой, где он родился, и Петербургом, где он умер. Это в особенности — биографическая московская предыстория творчества Достоевского, остававшаяся малоизученной до работ Г. А. Федорова. Обширные архивные изучения неизвестных материалов — отличительная особенность этих работ.

В книгу входит статья «Были ли убит отец Достоевского?», ставшая сенсацией в 1975 году.

Вторая большая тема книги — художественная культура уже XX века, особенно 1920—1930-х годов, прежде всего, театральная и музыкальная культура, и второй герой книги — Д. Д. Шостакович, а также С. С. Прокофьев, С. М. Эйзенштейн, Н. Б. Акимов, И. Терентьев, М. Добужинский.

Книга обращена как к историкам русской литературы и искусствоведам, так и к широкому кругу читателей.

83.3

*В оформлении переплета использован фрагмент
картины Я. Мостарта «Се человек»
(Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книгорготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-152-7

9 785944 571526 >

© Г. А. Федоров, 2004
© С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров, Предисловие,
2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Об авторе этой книги и его работе (С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров)	7
От автора.....	19
I. Москва и Петербург в судьбе Достоевского	
Предмесье	25
Семья Козловских	54
Дом в Лефортове	58
Фроловна и Ульяна	62
Отец и сын Котельницкие	65
Драшусов и «пансионишко Тушара»	89
Пансион Л. И. Чермака	97
Петербург. 1837 г.	115
Сельцо Даровое	130
Был ли убит отец Достоевского?	146
«Помещик. Отца убили...»	154
Петербург «Двойника»	194
Санкт-Петербург. Год 1846	211
Москва Достоевского	254
Куманины и «Маленький герой» (московская родня Достоевского)	261
К портрету Ф. Ф. Опинкина.....	273
Дом со ступенями	291
«Се человек» (картина Яна Мостарта)	313
Материалы о ранних годах жизни Аполлона Григорьева	368

II. Художники и XX век

Вокруг и после «Носа»	379
Кисть Акимова	405
Тринадцать их (Прокофьев и Эйзенштейн)	407
Пространства Мстислава Добужинского.....	423
 Указатель имен	446
Список иллюстраций	458

ческих и художественных работах. Но самое главное — это то, что в книге есть нечто, что не было в других работах Григория Федорова. Это то, что в книге есть нечто, что не было в других работах Григория Федорова. Это то, что в книге есть нечто, что не было в других работах Григория Федорова. Это то, что в книге есть нечто, что не было в других работах Григория Федорова. Это то, что в книге есть нечто, что не было в других работах Григория Федорова.

Об авторе этой книги и его работе

Более четверти века мы знаем автора этой книги и саму эту книгу знаем уже давно: она давно сложилась у автора из статей, появлявшихся в современных изданиях (а то и не попадавших тогда в печать) и постепенно образовавших в изучении и понимании Достоевского свое особое, персональное русло. Было это в основном в 70-е и 80-е годы, и только сейчас немолодой уже автор нашел в себе силы собрать свои рассеянные работы в книгу, чтобы стало очевидно, что есть в культуре наших дней такое явление, как особое достоевсковедение Г. А. Федорова. Автор — не цеховой литературовед, он по первой своей специальности художник и человек театра; в 1948 году он окончил студию С. В. Образцова и затем работал с Ю. А. Завадским, Р. Н. Симоновым, Н. П. Охлопковым. В 1957 году он был художником в спектакле Ермоловского театра «Преступление и наказание», и это определило его дальнейшую жизнь. С той поры он и начал прокладывать то самое свое русло, пустившись в биографические раскопки, не предпринятые до него никем, и накапливая редкие знания не только о самом Достоевском, о юном и молодом Достоевском особенно, но и о его семейном и родственном круге, и не только о родственной, но и о топографической среде, формировавшей его. Так росла в занятиях автора его главная тема — отношения Достоевского с двумя великими городами — Москвой, где он родился, и Петербургом, где он умер. Петербург Достоевского — традиционная тема, чего не скажешь о Москве Достоевского, она изучена мало. Этот сравнительно мало известный нам московский мир Достоевского и стал постепенно открывать в своих работах Г. А. Федоров.

Но не только об этих работах, а о самом их авторе мы бы хотели в этом вступлении к его книге сказать. На занятиях Достоевским, его и наших, мы и встретились в начале 70-х. Мы познакомились с ним тогда по отдельности и в основном по отдельности продолжали встречаться и разговаривать в следующие десятилетия. Всего лишь несколько раз мы бродили втроем по Москве, которой он великий знаток, и — дорогое воспоминание — были с ним в поездке на подмосковную родину Достоевского, в сельцо Даровое, куда не попали бы без него и не увидели бы так, как увидели, без его рассказов на месте. Георгий Алексеевич с нами знакомился сам, в обеих встречах был активным лицом. Одного из нас он остановил на лестнице Дома книги и не попросил, а потребовал разговора, который тут же и начался и с тех пор не останавливался.

Другой из нас расскажет о встрече в первом лице: «Осенью 1973 года позвонил мне человек, представившийся как Георгий Алексеевич Федоров, театральный художник. Он говорил энергично, настоятельно, даже с некоторым напором. Причина звонка заключалась в том, что в Саранске вышла книга “Проблемы поэтики и истории литературы”, главное в которой было то, что она была посвящена Михаилу Михайловичу Бахтину. Обращение Георгия Алексеевича ко мне было вызвано тем, что в книге была и моя статья о “Преступлении и наказании” в связи с архаическими элементами мифологического сознания. Статья привлекла внимание Георгия Алексеевича, и он спросил, нет ли у меня лишнего экземпляра книги. Я, конечно, не мог отказать, и на следующий же день Федоров был у меня дома.

Разговор, естественно, зашел о Достоевском и особенно о “Преступлении и наказании”. Слово держал Георгий Алексеевич, которому, как мне казалось, хотелось приоткрыть мне нечто важное в себе, без чего душевного сближения могло бы и не состояться. Его монолог был свободен, образен, экспрессивен, и трудно было не поддаться сначала эстетической привлекательности его речи, чтобы потом — как следствие — и убедительности развиваемых в ней идей и тех ракурсов, всегда очень личных и, видимо, многократно продуманных, в которых видел он и этот роман, и его персонажей. Из разговора было ясно, что для

Георгия Алексеевича Раскольников не только главный герой, но и — страшно сказать — герой по преимуществу, и даже его alter ego, предвосхитивший (или сформировавший) почти за век его самого. Когда, напомнив об убийстве старухи-процентщицы и дальнейших следствиях этого шага, пришлось выразить свое несогласие, Георгий Алексеевич рассказал — с особой убедительностью и подчеркнуто личным переживанием, — как сам он в юности ходил, мятущийся, голодный, неприкаянный, по пустынной военной Москве и чувствовал себя способным на то же, что Раскольников — для решения *своей* проблемы (ненависть к “старухе” была подлинной, даже чрезмерной). Рассказ был столь впечатляющим, что слышавшая его моя жена некоторое время побаивалась отпускать меня на встречи с Георгием Алексеевичем».

А этих встреч за три почти десятилетия было немало — здесь мы, оба пишущие это вступление, можем вновь перейти на общее «мы». Георгий Алексеевич водил нас по московским местам, связанным с Достоевским, и не только с Достоевским, — особенно он любил Божедомку, родное место писателя, Сущевскую часть, место не существующего ныне Лазаревского кладбища с не существующими могилами матери Достоевского и Марии Дмитриевны, его первой жены, затем родную уже свою Мясницкую и Покровскую часть, связанную с именами Грибоедова, Пушкина, братьев Киреевых, Веневитинова и Тютчева, и Бронные улицы; Палаши, где родился и был крещен Аполлон Григорьев, как это первым Г. А. Федоров установил по московским архивам (см. об этом статью в настоящей книге). Георгий Алексеевич, как принято нынче говорить в таких случаях, дарил нам эту Москву с необыкновенной щедростью. Это были почти путешествия по знакомым местам с проникновением в их культурную память, прогулки каждого из нас вдвоем с Георгием Алексеевичем (если не втроем — с незримо сопровождавшим нас бессмертным духом Достоевского), открывавшие многое, чего мы не знали или представляли иначе, — хотя и в теме о Достоевском в московские годы один из нас особенно не был новичком. Главным же было даже не это новое, что мы узнавали, а обнаружение и дальнейшее развертывание перед нами того духа

места сего (*genius loci*), который веял над московскими местами Достоевского, где некогда именно он был этим *genius'ом*, передавшим эту функцию наиболее восприимчивому реципиенту и «чувствователю» сего места Георгию Алексеевичу Федорову.

Воспоминание попутное: один из нас в те самые 70-е, гуляя по Ленинграду с известным специалистом по Достоевскому, привел его в тот самый двор на Галерной улице, 20, где выбросилась из окна в 1876 году с образом в руках швея Марья Борисова, и Достоевский, прочитав в газетах об этом «кротком» самоубийстве, написал свою «Кроткую». Мы постояли там, и достоевскoved, ленинградец, недоуменно сказал: — Ну и что? Для изучения Достоевского что нам это дает? — хотел он сказать. В самом деле — это был обычный и не слишком выразительный ленинградский двор, не очень, видимо, с тех пор изменившийся. Но мы ведь знали, что это *тот самый* двор, то самое место, — и дух того события, как-никак породившего «Кроткую», или реял над ним, преображая картину довольно невзрачную, или же чувство это не возникало, и передать его сопутнику, специалисту по *книжному изучению* Достоевского, было трудно.

Творческая интуиция Федорова — возвращаясь к прогулкам с ним по Москве — при превосходном знании и внутренней проработанности текстов Достоевского, как и опыт театрального художника (стоит напомнить, что, как показал замечательный филолог П. М. Бицилли, многие эпизоды, и прежде всего центральные, у Достоевского построены по правилам сценического искусства), — позволяли ему не только «переживать переживающее» героями Достоевского и — с большей вероятностью — их автором, но и размещать героев в конкретном пространстве комнаты, дома, улицы, площади, города. Эпизоды романа сценизировались и проникались духом театральности, о чем отчасти писал не раз и сам Достоевский, может быть, самый выдающийся «сценограф» в русской повествовательной прозе своего века.

Г. А. Федоров всегда хорошо понимал эту сценическую установку Достоевского, — более того, чувствовал и знал, где, когда и откуда лучше, с возможностью наиболее экономичного извлечения максимальной информации, можно видеть ту сцену, которую выстраивает «сценограф» Достоевский и на которой он раз-

мешает своих персонажей, убирая многие отвлекающие детали, но щедро оставляя им их словесные партии и тем самым превращая эпизод романа во фрагмент драмы — от почти комедии до трагедии, даже до кукольного народного представления, как в «Господине Прохарчине».

Это умение погружать читателя в атмосферу Москвы Достоевского, обучение искусству видения деталей и их смысла, от бытового до символического, чувство и оценка отдельного локуса, городской структуры, рельефа — как по горизонтали, так и по вертикали (постоянное внимание к этажности домов) — «встаньте на сцене на две ступеньки выше, и все изменится в корне» — так примерно говорил Георгий Алексеевич — выделяет автора этой книги среди других исследователей, занимавшихся московским периодом жизни писателя. Да Федоров и не ограничивал свое познание Достоевского только исследованием — ему предшествовало творческое смыслостроительное чтение текстов, вживление в них, усвоение их себе и, если угодно, переживание их как собственности.

Московский мир Достоевского — две жизненные темы автора соединились в одну. И в этой теме Г. А. Федоров — знаток единственный. Тот, кто прочитает его работы в предлагаемой книге, будет обязан ему открытием Москвы Достоевского — вероятно, обязан более чем другим немногочисленным пока исследователям этой темы. Эта отмеченность работ Г. А. Федорова обеспечена обстоятельностью его конкретных разысканий в архивах, объемом относящегося к теме материала, изобретательностью в интерпретации эмпирических данных, дотошностью в поисках высокого смысла, открывающегося за неорганизованным хаосом эмпирии. Все это позволяет автору соединить жизненное, биографическое, относящееся к Достоевскому и только к нему, с его художественными текстами и их персонажами, выстраивать то необъятное целое, которое называется — мир Достоевского.

Хочется больше сказать: мы, пишущие это вступление, не сковываясь, ловили себя на мысли, что вожатый наш по Москве Достоевского сам — человек Достоевского, пребывающий в его «пневматологическом» пространстве, в тайне его замыслов и 1*

их вариантов — как реальных, так и виртуальных, также имеющих некую эвристическую ценность. Биографически-топографические раскопки дают реконструкцию с многочисленными открытиями, прозрениями и захватывающими сюжетами, напоминающими сложно запутанный детектив.

Один из таких разветвляющихся и по-своему детективных сюжетов: занимаясь родней писателя — семейством Куманиных, — автор открыл в биографической предыстории Достоевского такие связи, о которых мы до Федорова не знали. Он открыл значение куманинского «старосадского» локуса (исходное городское ядро на месте здания нынешней Исторической библиотеки) и особенно — «дома со ступенями», дома с судьбой, знаменитого дома на Ордынке, где столетием позже будет жить у Ардовых Анна Ахматова, но столетием прежде он был родственным Достоевскому домом, с которым связано зарождение темы Настасьи Филипповны; наконец, — Церковь Всех Скорбящих там же рядом, на Ордынке, частично отстроенная на средства Куманиных и в которую они поместили картину Яна Мостарта «Се человек» в качестве своего рода иконы (сейчас она находится в московском Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина); и вот, следуя ариадниной биографически-топографической нити в своем исследовательском лабиринте, Г. А. Федоров пишет *искусствоведческую* работу об этой картине Мостарта — первое вообще исследование об этой картине и этом художнике на русском языке. Мальчиком Достоевский мог видеть эту картину-икону, и вот много позже таинственное евангельское слово прозвучит — таинственно тоже — в пьяненьком, вместе и униженном, и возвышенном, монологе Мармеладова: «Сим покиванием глав не смущаюсь ... и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! “Се человек!”» Он отвечает этим словом тем, кто смотрит сейчас на него с презрением, самоотождествляясь с самим Христом в той евангельской ситуации, когда на Того, кто был выставлен напоказ с этим словом, тоже смотрели с презрением. Мальчиком Достоевский мог видеть в куманинской церкви картину «Се человек», и могло впечатление это в творческой памяти отзываться в трактирной сцене будущего романа.

Еще одна из ведущих тем настоящей книги — отец Достоевского. Отчего такой значительной предстает эта тема в книге? Ведь далеко не всегда биографы великого даже писателя подробно интересуются жизнью его родителей; но вот об отце Александра Блока в связи со столетием поэта в 1980 году не случайно появились самостоятельные исследования. В литературе о Достоевском отец его стал острой темой в 1920-е годы, когда после появления в печати воспоминаний Л. Ф. Достоевской была обнародована и быстро утвердилась в качестве биографического факта версия об убийстве М. А. Достоевского крепостными крестьянами. Затем в работах З. Фрейда и его последователей была сделана обратная проекция творчества писателя на этот факт его биографии и на его психологию: в Михаиле Андреевиче Достоевском начали искать и находить прототип Федора Павловича Карамазова, а в психологии писателя, будто бы подсознательно желавшего смерти отца, — подпольный мотив отцеубийства, субlimированный в ситуации его романов. Тогда же, в 20-е годы, с фрейдистской интерпретацией успешно соединился «классовый подход», с позиций которого убийство жестокого помещика крепостными оказалось весьма удовлетворяющей биографической завязкой трагического творчества Достоевского. В последующие годы фрейдистское литературоведение не получило у нас развития, классовый же подход доминировал долгое время; и в совокупности оба идеологических мифа отложились в биографии Достоевского и до сих пор омрачают образ отца писателя.

Версия об убийстве М. А. Достоевского была устойчивой до 1975 года, когда автор настоящей книги опубликовал открытые им в многолетних архивных разысканиях неизвестные до того материалы следственного дела о скоропостижной смерти отца (см.: «Был ли убит отец Достоевского?»). Эти документы подвергли версию об убийстве основательному сомнению; в достоевковедении публикация Г. А. Федорова («Литературная газета», 1975, 18 июня) стала сенсацией. Окончательно тайна смерти отца Достоевского вряд ли может считаться уже разрешенной и, возможно, неразрешенной и останется. И, конечно, нам важно знать, что думал о смерти отца и чему верил сам писатель Федор Достоевский, а знаем мы об этом мало. Окончательного ответа

нет, но ценность открытия, сделанного Г. А. Федоровым, очень велика: найденные им материалы дают убедительную картину естественной смерти отца и позволяют автору строить самостоятельную версию событий, противостоящую традиционной версии об убийстве.

Главное же — автор пересматривает сложившийся под влиянием этой версии, как бы в ее тени, образ Михаила Андреевича, очищая его от «дурного глаза» предубежденных биографов. В статье «Помещик. Отца убили...» в настоящей книге взят красноречивый пример такого «дурного глаза» — описание сохранившегося портрета М. А. Достоевского таким авторитетным биографом писателя, как Л. П. Гроссман: взгляните на этот портрет, воспроизведенный там же, в книге Гроссмана (и в настоящей книге, конечно, тоже), — разве не предвзято недоброжелательно это описание? Не забудем, что узкая эта предубежденность диктовалась идеологическими схемами, уже помянутыми, которым нужен был на месте реального человека зверь-помещик и психопатологический тип (см. характеристику М. А. Достоевского как «эпилептоидного характера» в известной «Хронике рода Достоевского» М. В. Волоцкого, 1933). В работах Г. А. Федорова этим схемам противостоит документированный в каждой точке свой рассказ о жизни человека обыкновенного и несчастного, трудного, даже тяжелого человека, задавленного бедами и по-своему терпеливо и ответственно, говоря языком Андрея Платонова, «исполнившего свое существование». Освобожденный от мифологизирующих теней, простой человеческий образ отца Достоевского оказывается более добрым и светлым при всем окрашивающем его жизнь «угрюмстве». О таком человеке мог сказать Достоевский уже на исходе жизни эти горячие слова: «Такими семьянинами, такими отцами... нам с тобой не быть, брат!». Восстановление доброго имени отца писателя — одно из дел и один из пафосов Георгия Алексеевича Федорова как биографа Достоевского.

И связи с образом отца в творчестве Достоевского намечает биограф иные, чем биографическая традиция: не в Федоре Павловиче Карамазове отразился Михаил Андреевич Достоевский, а по-иному и более правдоподобно и естественно — в Макаре Де-

вушкине и господине Голядкине. Наблюдение убедительное, нуждающееся в дальнейшей проверке и подкреплении пристальным стилистическим анализом: письма отца, прочитанные после смерти его сыном Федором, воздействовали характером и слогом своим на стилистику писем и речей этих первых его гене-роев.

Можно говорить о книге Г. А. Федорова: жизнь его в науке — он ведь не был человеком «цеха», все делалось в свободное время — легкой не была. Творческая жизнь его — служение Достоевскому и Москве, однако ведь не только. В настоящей книге тема второго ее раздела — художественная культура уже двадцатого века, его 20—30-х годов особенно, по преимуществу в театральном и музыкальном ключе: другой ведущий герой этой книги — Д. Д. Шостакович, с которым автор встречался и разговаривал и о котором продолжает писать сейчас. И другие герои — музыканты, художники, режиссеры театра и кино — С. С. Прокофьев, С. М. Эйзенштейн, Игорь Терентьев, о котором одним из первых автор начал писать в 70-е годы, Н. П. Акимов, Мстислав Добужинский. Федоров — исследователь Достоевского — не живет в (уже) позапрошлом веке, он живет остротой современного искусства. И так ли далека от Достоевского проблематика русского авангарда? Эти два интереса у автора естественно сочетаются. Можно вспомнить у Достоевского его смысловые интерпретации ряда произведений живописи, отчасти и музыки; можно вспомнить захватывающий музыкальный проект Тришатова в разговоре с Подростком. Мастера, творившие новое искусство в России начала XX века, — не внуки ли Достоевского в духе или, может быть, дети Тришатова и Аркадия Долгорукого? Наверное, сочетание интересов автора этой книги удивило бы Достоевского, так существенно заглянувшего в только что пережитый нами двадцатый век.

*С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров
21 сентября 2001 г.*